

Перечитывая классиков

К.Д. Ушинский

Лекции в Ярославском лицее

К.Д. Ушинский, 1859 г.

Константин Дмитриевич Ушинский — основоположник научной педагогики и народной школы в России, человек широчайшей эрудиции, автор выдающихся работ в области философии и педагогики («О камеральном образовании», «Человек как предмет воспитания...», «Вопрос о душе в его современном состоянии» и др.).

Родился Константин Дмитриевич в 1824 году. В 1844 году окончил юридический факультет Московского университета, получив звание кандидата юридических наук.

В возрасте 23 лет был назначен на должность исполняющего обязанности профессора кафедры энциклопедии законовещения, государственного права и науки финансов в Демидовском юридическом лицее Ярославля. В своих лекциях он развивал демократические идеи о ведущей роли народа в поступательном развитии общества. Там же он начал свою научную деятельность в области педагогики.

Уже в молодые годы К.Д. Ушинский выдвинулся в первые ряды крупнейших ученых своего времени. Он рассматривал все теоретические и практические вопросы воспитания с точки зрения служения интересам своего народа, родине. Сам он руководствовался девизом: «сделать как можно больше пользы моему отечеству, вот единственная задача моей жизни». Он понимал глубинную связь педагогики и психологии, писал, что в том случае, когда педагогика не опирается на изучение «тех явлений природы и души человеческой», на которых основаны ее правила и учебники, она с неизбежностью превращается в простой сборник практических советов и рецептов и перестает быть подлинной наукой, способной помочь учителю.

Редакция надеется, что знакомство с идеями, мыслями молодого Ушинского, высказанными им в лекции, будет интересно читателям.

Лекция первая

Мм. Гг.

Вам известно, что наш лицей в новом своем преобразовании имеет целью приготовить камералистов на службу нашего отечества. Этим действием правительство наше выражает сознание современной необходимости камерального образования для России и предлагает нам средства быть полезными отечеству на этом поприще. По выбору предметов, которые

составили мою кафедру, на мне лежит обязанность не только познакомить вас с каждым из этих предметов, но и показать вам общее значение камералистики. А потому первое наше знакомство я начну тем, что постараюсь вам уяснить, насколько это возможно для первого раза, взаимное наше назначение.

Вы покинули уже школьную дорогу и входите в свободную, безграничную область науки, где первым руководителем вашим должен быть ваш свободный разум, а главным двигателем — стремление к истинному

просвещению. Мое же дело не указывать вам давно истертую дорогу, но идти вместе с вами по той, которая мне только известнее, чем вам; и тем более что эта дорога не только не вполне освещена, но едва проложена; да и самая цель нашего изучения является еще спорным пунктом. Еще не решен вполне вопрос, какой именно объем камеральных наук, какая наука должна быть для них основной, и не определена с точностью и сфера действий камералиста. Самое слово — камералистика — на Западе имеет случайное значение, а у нас не имеет даже и того, между тем как всеобщая потребность в так называемых камеральных сведениях, под которыми разумеют разные, но близкие понятия, делает необходимым множество учреждений, подобных нашему лицезу. Кажущееся противоречие в этой мысли я постараюсь объяснить вам после, чтобы теперь оно не завело нас далеко в исследование чужих мнений.

Камеральные науки находятся в сфере тех наук, предмет которых создан духовною природою человека, и именно тех, которые рассматривают человека в обществе других людей. Я не исключаю этим материальной природы из состава этих предметов — она входит в них, но входит столько, сколько человек усваивает ее себе, и притом человек как член общества... Следовательно, предметом этой области человеческого знания, к которой принадлежат и камеральные науки, является человеческое общество в его отношениях к людям и к материальной природе. Высшим человеческим обществом является государство — в него втекают, им живут и в нем движутся все другие человеческие общества — и следовательно, эту область наук в обширном смысле можно назвать государственными науками...

Человек является в государстве двояким: или лицом отдельным, самостоятельным, преследующим свои частные, эгоистические интересы, которые связаны нераздельно с его исключительной личностью и сами исключают всякие интересы других лиц; или членом одного живого организма — государства, выполняющим общую цель его, с пожертвованием даже своими частными интересами. В первой сфере двигателем является эгоизм, во второй — патриотизм. Первая сфера есть частная, эгоистическая, гражданская; вторая — публичная, общественная, государственная. Первая подчиняется последней, но последняя самым своим существованием необходимо предполагает существование первой и без нее быть не может; но гражданская сфера только в государственной находит свое полное осуществление... Но, сливаясь в жизни, эти две сферы должны быть строго различаемы в науке. Для вывода понятия камералистики необходимо очертить характер этих двух сфер, потому что из общественных наук вытекают камеральные, и все, что я скажу об общественной науке, относится к камеральной как к ее части. В гражданской сфере человек является вполне лицом — *persona*, лицом отдельным, исключаящим всякое другое, так что это исключение является

ближайшим определением личности. Здесь он преследует свои частные, исключительные, гражданские интересы, которые он стремится выполнить только для себя. Здесь он высказывает только свою волю, достигает только своих выгод, «я» и «мое» — первые слова в этой сфере.

По самой природе своей человек, как существо со свободною волею, имеет право на такую самостоятельную жизнь, на такое исключительное преследование своих интересов и носит в себе требование и средства самоудовлетворения, как мы назовем чувство, руководящее человеком в этой частной сфере его действий. И никто не может отказать человеку в этом праве самоудовлетворения — в нераздельности, исключительности, свободе его личности, — никто, ибо отрицающий это право сам бы уничтожил всякую силу своего отрицания. Эта свободная воля есть основа всей человеческой деятельности; только признавая ее, можно требовать отчета от человека в его деяниях... Следовательно, это эгоистическое чувство самоудовлетворения не есть само по себе ни злое, ни доброе, хотя может быть источником того и другого, но только необходимая основа всякого «я», без которого оно не будет человеческим.

Обладатель свободной воли есть лицо — *persona* — и имеет право на признание своей личности, своей свободной воли от всякого другого лица. Прежде существовали отдельно понятие человека и понятие лица; всякое живое лицо было человеком, но не всякий человек был лицом. Христианская религия навек слила эти понятия, но прежде, в древнем мире, именно в Риме, развилось вполне понятие лица; но только римский гражданин был лицом. Памятником этого ложного разделения человека и лица осталось у нас слово «гражданин» — *civis*, имеющее теперь и другие значения; в выражении «гражданское право» оно именно удержало свою тождественность с понятием лица, и гражданское право значит то же, что личное, частное право, — гражданская, личная, частная сфера.

Как я уже сказал, в этой гражданской сфере человек преследует свои частные, эгоистические интересы. В этом преследовании не нужно ни понуждать, ни поощрять человека. Чувство самосохранения и сохранения свободы воли своей, желание удовлетворить своим бесконечным потребностям и расширить свое владычество над всем внешним миром рождаются вместе с человеческим «я» и достаточно ручаются за то, что он не останется спокойным в этой сфере. Человек, желающий чего-нибудь, лучше всех знает, чего желает, и потому сам же должен знать и средства достигнуть желаемого. Он ищет только для себя, один пользуется плодами своего искания, а потому может и должен быть предоставлен самому себе. Но всякое лицо равно другому лицу, как всякая свободная воля равна другой свободной воле. Свободная воля может только быть или не быть, а не может быть более или менее. Одно лицо может обладать большими средствами для достижения своей цели, но всякое обладает одинаковым правом на до-

стижение их, ибо всякое имеет в одинаковой степени свободную волю, которая не имеет степеней. Оттого-то в гражданской сфере все лица равны — в этом смысле и наше законодательство объявляет всех равными перед законом. Таким образом, одно лицо, преследуя свои интересы, встречается в них с другим лицом. Или они ищут одного и того же, или разного, но так, что если один получит свое, то другой своего не может получить. Итак, здесь должны решить степень и количество их средств удовлетворить своим желанием — и кто сильнее, тот и получит желаемое. Но самый сильный, говорит Руссо, не довольно силен, чтобы быть всегда господином. Таким образом, возникла бы борьба между лицами, которую решали бы средства, которыми они обладают. Но при бесконечности человеческих потребностей и желаний, при бесчисленном разнообразии средств каждого лица, при шаткости и изменчивости этих средств и сил в этой борьбе все бы зависело от случая, не было бы никакого порядка и не было бы ей никогда конца. Человек погрузился бы в беспорядочный, бесконечный и бесплодный хаос, в котором поггло бы все человеческое. Но не таково назначение человека — одно сильное влечение не разрушит в нем гармонии целого. Одна бесконечная сторона его бесконечного духа не погубит других. В человеке есть другое чувство, которое управляет этим чувством самоудовлетворения — не ограничит его, но подчинит, как и само себя, законам разума, или, глубже сказать, введет законы разума в это чувство самоудовлетворения — в исключительное, человеческое «я», ибо только собственный же разум человека может войти в его исключительное, собственное «я», в его личность, не разрушив ее. Только разум может повелевать лицом и не уничтожить его свободной воли; ибо разум так же принадлежит лицу, как и свободная воля. Это успокаивающее, спасительное чувство есть чувство Справедливости — совесть в своем развитии: *voluntas suum quique tribuendi* — хотение каждому воздавать должное ему. Оно так же врождено человеку, как и чувство самоудовлетворения, и живет в последнем так, что человек, удовлетворяя чувству справедливости, удовлетворяет самому себе, своему «я».

Конечно, у многих нравственно неразвитых людей оно едва заметно, но тем не менее всегда и везде, у всех существует: у самых диких народов, у самых развращенных злодеев... Оно рождается и живет вместе с человеческим сердцем. Конечно, это чувство, как подтверждают наблюдения, почти ничто в сравнении с чувством удовлетворения своих, по большей части телесных, потребностей... Но это чувство имеет за себя огромное преимущество, непреодолимую силу — разум. На этом-то прочном основании хотя медленно, но неудержимо развивается это, вначале едва приметное, чувство. Сообразность законов разума с этим чувством не только спасает его от уничтожения, но возводит на ту высокую степень, на которой мы видим его у развитых народов. Чувство

самоудовлетворения резко, порывисто, часто овладевает всем существом человека; но зато неопределенно, темно, неограниченно, а потому пусто, и человек как существо разумное, требующее определенного, разумного, не может остановиться на таком чувстве. Напротив, чувство справедливости как только появляется, то и находит опору в твердой мысли человека, находит в разуме его такие законы, выполнение которых вполне может удовлетворить ему — этому чувству справедливости. И, кроме того, в самом внешнем мире, в окружающей его природе и порядке вещей чувство справедливости находит также себе твердую опору, ибо человек скоро замечает, что, руководствуясь этим чувством, он скорее, вернее, основательнее, спокойнее удовлетворяет своим потребностям. Верность этой мысли вы оцените при изучении политической экономии. Такое соответствие чувства справедливости с законами разума и с законами внешней природы легко объяснить: законы разума и законы внешней природы даны одним и тем же разумом и истекают из одного и того же источника, из высочайше справедливого существа — высочайшей справедливости.

Таким образом чувство справедливости, соответствующее законам разума, одерживает верх над чувством самоудовлетворения, регулирует его, ставит его в свои пределы — в пределы справедливости, вводит его в разумную сферу, подчиняет требованиям разума. Эти законы разума, удовлетворяющие чувству справедливости, выражаясь во внешних формах — в законах естественных и положительных, и составляют то, что называют правом. Или право в строгом смысле этого слова, как право гражданское, есть такой единый закон разума, развитый в своей части, действуя по которому свободная воля лица, направленная на преследование личных его интересов, может удовлетворять им, удовлетворяя вместе и личному чувству справедливости. Под именем личных интересов не надобно разуметь интересов эгоистических в грубом смысле этого слова. Жертвуя какому-нибудь бедняку свое имение, я удовлетворяю этим также своей личной эгоистической потребности благотворения. Мысли и правила мои, которыми я руководствуюсь при этом даре, могут быть далеко не эгоистические, но даже мысли и правила высоко-го самопожертвования; но удовлетворение этим собственным моим мыслям и правилам будет чисто делом моего частного, личного и, пожалуй даже, эгоистического интереса; а потому и дар есть акт гражданской сферы.

В праве гражданском, в праве собственном, в строгом смысле этого слова, не обращают, следовательно, внимания на внутреннее побуждение, на то, почему человек хочет того или другого, предполагая всегда, что во всяком действии человека в этой сфере права воля его направлена на удовлетворение его же исключительных потребностей, и это предположение не есть пустой вымысел, потому что во всяком действии свободной воли должно быть эгоистичес-

кое стремление, а иначе воля, как свободная желать того или другого, не проявилась бы или не была бы свободною волею. Этим показывается только то, что право берет и оценивает одну только внешнюю сторону причины человеческих деяний или что право не идет далее свободной личной воли человека и что, наоборот, человеку достаточно только одной свободной воли, чтобы действовать в сфере права. И по этому свойству своему гражданское право, т. е. потому что оно не сходит в глубину духа человеческого, оно носит эпитет внешнего. Для того чтобы действие человека явилось признанным в сфере права, нужна только известность присутствия свободной воли в действии лица; а как всякое лицо потому только и лицо, что имеет свободную волю, то всякое действие всякого лица в сфере его личных, гражданских интересов есть действие правовое и может иметь все последствия правового действия. А потому и судья в гражданском деле, предполагая всегда за лицом свободную волю, дает его действию всю силу гражданского действия; он не обращается прямо к факту. Такое отдельное рассматривание, такое отвлечение свободной воли человека от всей остальной его духовной и материальной природы дает этому праву, или праву в строгом смысле, название отвлеченного, абстрактного — *jus abstractum*. Такое невнимание ко всему остальному человеческому в человеке дает этому праву название строгого права — *jus strictum*. Так называл его строгий римлянин, исключительно развивавший это любимое его право, так сводное, так слитое с его гордою натурою. Он возвышал понятие гражданина до этой неограниченной свободной воли, а мир христианский перенес такое понятие на всякую человеческую личность и тем сделал это необходимое условие человека еще независимее, ибо в Риме оно зависело от понятия гражданина, в мире же христианском достаточно быть человеком, чтобы иметь право требовать признания своей личности, своей исключительной воли.

Таким образом, вы видите, что имеет своим непосредственным основанием свободную волю человека, своею непосредственною целью — развитие его личности; а потому-то в Риме, где по преимуществу развивалось это право как на своей природной почве, личность гражданина получила такое огромное, гордое развитие.

Из этого быстрого очерка характера гражданской сферы вы можете видеть, что отличительный признак ее есть тот, что, действуя в ней, человек исключительно действует в пользу своей личности и что плод действий в этой сфере есть развитие собственной его личности; что интересы этой сферы — чисто личные и не могут быть другими, оставаясь в ней, — относятся только к развитию той стороны человеческой природы, которая не может быть разделена и не терпит никакого чужого вторжения, именно личной свободной воли человека, именно так, что эта воля может быть только свободною, не раздельною или совсем не быть...

Гражданская сфера не только не соединяет личностей человеческих, но именно в ней-то они и разъединяются, получают обособление, делаются особыми, неделимыми, уединенными личностями. Вы выведете, и совершенно справедливо, что гражданское право именно направлено на то, чтобы разъединить личности в случайном столкновении их между собою, в их интересах; сделать личности тем, чем они должны быть: единичными, исключительными, свободными; защитить их от всякого чуждого притязания; спасти от всякого чуждого вторжения и сделать эту исключительную свободную жизнь их твердою, постоянною. Следовательно, гражданское право направлено на то, чтобы вполне определить, укрепить и постоянно сохранить исключительную личность человеческую...

Совершенно противоположное основание имеет общественная сфера. Самое название ее показывает, что главное ее свойство есть общаться, делать из разных существований одно общее...

Мы видели, что человек, преследуя свои личные интересы, уединяет, обособляет свою личность и что он совершает это посредством гражданского права. Но, живя в таком уединенном преследовании своих личных интересов, мог ли бы человек не только развиваться до этой степени, на какой мы его теперь видим, мог ли бы даже достичь своих личных интересов?.. Самое поверхностное рассуждение убедит вас в невозможности человеческого развития без общества...

В общественной сфере, как и в гражданской, в основе всякого движения лежит необходимость удовлетворения своим потребностям. Самая существенная, самая человеческая потребность в человеке есть потребность совершенствования, развития...

Эта потребность развития и есть причина, заставляющая человека входить в общество. Человек — один носитель сознательного духа во всей окружающей его бессознательной природе — не видит в ней ничего, подобного своему развивающемуся сознательному Духу, и потому не может развить его один с природою, но только с подобным себе существом — человеком, таким же носителем такого же сознательно развивающегося Духа. Вот из этой-то простой истины вытекает необходимая связь между развитием и обществом, которую так многие не понимали. Человек развивается только в истории, только в истории знает свое развитие, и нет истории без общества.

Общественная жизнь необходима для развития, и, вызывая это развитие, она сама строится по степени этого развития, сама является его выражением.

Без общества нет развития.

Без развития нет общества.

Развитие есть принцип общества.

Общество есть необходимая и единственная форма, в которой совершает история развитие человечества. Замечу: слову «общество» я даю здесь тес-

ное значение исторического общества и тем самым отличаю его от обществ, составленных произвольно, для произвольных целей, каковы общества торговые, застрахования и пр. Здесь я говорю об обществах, каковы род, племя, народ, государство, в которые входит человек по необходимым законам своего существования исторического, и потому эпитет исторического общества вполне определяет характер этого общества...

Таким образом, вы видите, что эти две сферы ставятся как бы в противоположности: одна стремится слить личности в едином развитии духа, другая — обособить, разъединить, исключить их. Но в богатстве человеческой природы есть такая среда, в которой примиряются эти два противоположных стремления; эта среда есть развитие человечества в истории... Высшее из обществ — государство есть это примиряющее; в современном государстве человек является личностью отдельною, свободною и вместе живет общею государственною жизнью и, следовательно, тою идеею, которую выполняет она в развитии человечества; в современном государстве, сказал я, ибо, как вы знаете, в государствах древних элемент государственный поглощал частный. Такое примирение, как я заметил, совершается в обществе; это примирение и составляет развитие общества; оттого-то наши современные общества своею крепостью так превышают древние общества. Оттого-то чем более совершенствуется человек, чем сильнее в нем требование духа, тем сильнее требование общества; только дикарь еще может существовать среди лесов своих, но для человека образованного оно составляет необходимейшую потребность, и удаление из общества для человека развитого то же, что смерть. Так и в наших уголовных законах изгнание из общества заменилась смертная казнь. Правда, иногда и добровольно, после сильных нравственных потрясений, человек прибегает к уединению как к лекарству, но и там он не разрывает своих связей с обществом и живет с ним, связанный всем, что только он ценит.

Таким образом, и общество обнимает все развитие человека, и, наоборот, человек в сфере общественной должен находить место для полного всестороннего развития своего. И потому, какою стороною своею и в каком направлении развиваются члены данного общества, то это развитие собою и выражает историческое общество, и, следовательно, общество всегда выражает собою степень развития своих членов и направление этого развития, так что те ступени, по которым развивается историческое общество вообще, являются вместе и ступенями развития человечества.

Вы видите, таким образом, что, во-первых, главная отличительная черта общественной сферы от гражданской есть та, что ею соединяются отдельные личности в едином развитии исторического общества, так что человек участвует в развитии всего человечества через развитие этих исторических обществ, ко-

торые являются отдельными, самостоятельными личностями в развитии всего человечества. Во-вторых, тогда как сила гражданского права стремится обособить, разъединить, определить личности человеческие, сила государственной, публичной сферы должна укреплять связь — целое, делать его жизнь самостоятельною, но не исключительною, а такою, чтобы она сливалась с общею жизнью, с общим развитием всего человеческого. В-третьих, в гражданской сфере, чтобы появилось действие в этой сфере, достаточно, чтобы было признано, что оно исходит из свободной воли действовавшего. Цель же их и средства остаются на их Произвол. Напротив, в публичной сфере, чтобы действие явилось публичным, получило место в этой сфере, нужно, чтобы оно имело отрицательное или положительное влияние на развитие этого данного исторического общества. В-четвертых, как и в гражданской сфере, если действие сообразно с законами этой сферы — с гражданскими законами, то оно получает юридическую жизнь и действительность, так и в публичной сфере действие, чтобы получить жизнь публичную, жизнь общественную, жизнь историческую, чтобы иметь историческое влияние на судьбу этого исторического общества, должно быть сообразно с законами развития этого общества, иначе оно само по себе, как чуждое этому развитию, не будет иметь на него влияния, будет произвольным, может быть граждански-правовым, но не публичным, не историческим и как чуждое развитию этого общества отвергнется самим этим развитием. В-пятых, законы гражданского права как законы, удовлетворяющие чувству справедливости — единому, хотя не в одинаковой степени развитому во всех людях, производят однообразие в гражданских правах народов. Это однообразие гражданских прав бывает большим или меньшим, смотря по тому, под большим или меньшим влиянием публичной сферы развивалась гражданская. Оттого римское гражданское право, которое развивалось почти совершенно самостоятельно, может быть принято, и в самом деле принимается, как бы за норму гражданского права — за чистое гражданское право и потому-то так легко и втекает в гражданские права других народов. Напротив, законы развития общества уславливаются местным и историческим положением этого общества, истекают из этой особенной идеи, которую развивает собою данное общество в истории. И потому эти законы развития обществ разнообразны, как самые общества. Но, несмотря на разнообразный характер, они особенным своим развитием выполняют единый общий закон развития всего человечества...

В-шестых, в гражданской сфере не должно ни поощрять человека к деятельности, ни указывать ему средств, ни принуждать, ибо каждое лицо в гражданской сфере является полным, неограниченным представителем своих личных интересов; но в противоположность этим представителям личных, эгоистических интересов должен явиться такой же пол-

Всероссийский научно-практический семинар

«Психология и образование»

27—31 мая 2010 года, Самарская область

Организаторы: Федерация психологов образования России, Министерство образования и науки Самарской области, Самарский Региональный социопсихологический центр.

В программе:

Обучающий семинар «Формирование государственного задания на основе методических рекомендаций по расчету бюджетных ассигнований на оказание государственным (муниципальным) учреждениям для детей, нуждающихся в психолого-педагогической и медико-социальной помощи, государственных (муниципальных) услуг (выполнение работ)».

Семинар-дискуссия «Изменится ли роль психолога в образовании в связи с введением новых образовательных стандартов?».

Круглый стол «Пути создания национальной системы диагностики в условиях введения новых образовательных стандартов».

Участники семинаров: специалисты управлений образования, отвечающие за психологическую службу, руководители ППМС-центров, начальники и методисты отделов психолого-педагогического сопровождения РЦ, руководители образовательных учреждений разного типа и вида, педагоги-психологи образовательных учреждений.

По окончании семинара выдается **документ о повышении квалификации** в объеме 36 часов.

Организационный взнос включает проживание в двухместных номерах (категория — пять звезд), 3-х разовое питание, обучение, методический пакет.

Заявки на участие в семинаре принимаются до 30 апреля 2010 года ежедневно с 10.00 до 17.00 (кроме сб, вс).

Тел.: 8 (846) 931-55-08; 931-55-15; 8 (927) 762-14-57 (Гусарова Марина Александровна), 8 (846) 931-72-69 (Дмитриева Татьяна Александровна).

Тел./факс: 8 (846) 931-55-08, 931-55-15.

E-mail: rspec@samtel.ru

Сайт: <http://rspec-samara.narod.ru>

ный, такой же самостоятельный, такой же неограниченный представитель общественного интереса. Таким и является в обществе правительство. Правительство, следовательно, не имеет своих частных интересов, не есть член общества, но представитель целого общества, представитель общественного интереса; следовательно, правительство не является уже лицом, равным всякому другому лицу общества, но относится к членам его — представителям частных, своих интересов, как целое — к своим частям; и как часть должна уступать и даже приноситься в жертву целому, так отдельное лицо — обществу и его представителям.

Из такого понятия правительства выходит, что все его действия должны быть сообразны с законами развития данного общества или, лучше сказать, совершаться по ним, как в сфере гражданской все решения судьи и действия лиц должны быть сообразны с законами гражданскими — с правом, в тесном смысле этого слова...

В общественной сфере члены общества действуют сообразно с законами его развития, не по сознанию необходимости таких действий, а по внушению характера, общего всем членам этого общества. Эта общность характера происходит от одинаковости

происхождения, от одной местности, занимаемой этим обществом, и, наконец, от одинакового исторического положения (например, славяне), ибо в характере общества, в характере народа лежат и семена будущего его развития. Со временем в гражданской сфере, с историческим ходом и с размножением общества, обычаи множатся, дробятся, забываются, находят себе противоречие в новых образах действий, происходящих или из случайностей исторических, или от влияния новых местностей и случайных характеров на характеры членов общества. Тогда обычаи имеют нужду в новой силе, в силе законодательной, и, проходя через волю законодателя, являются законами, которым повинуются уже как выражениям воли, признанной за всеобщую, за высшую. Наконец, с развитием общества является необходимость сознания права, разумности его; это сознание совершается в народе, но выражается в особенном сословии — сословии юристов; таким образом, юристы выражают собою сознание народа о праве.

Такой же путь, по моему убеждению, проходит и сознание разумности законов развития данного общества...